

Ю. Г. Тимралиева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия)

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЛИРИКЕ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

На материале лирики немецкого экспрессионизма рассмотрены семантические категории времени и пространства, приобретающие в экспрессионистских текстах особый символический смысл и отражающие эстетические взгляды представителей данного литературного течения, а также способы их языковой реализации.

Ключевые слова: экспрессионизм, семантическая категория, время, пространство, образ, мотив, языковая структура

Тимралиєва Ю. Г., Санкт-Петербурзький державний економічний університет.
ПРОСТІР І ЧАС У ЛІРИЦІ НІМЕЦЬКОГО ЕКСПРЕСІОНІЗМУ

На матеріалі лірики німецького експресіонізму розглянуто семантичні категорії часу і простору, що набувають в експресіоністських текстах особливого символічного смислу й відбивають естетичні погляди представників даної літературної течії, а також способи їх мовної реалізації.

Ключові слова: експресіонізм, семантична категорія, час, простір, образ, мотив, мовна структура.

J. Timralieva, St. Petersburg State University of Economics. **PLACE AND TIME IN THE LYRICS OF GERMAN EXPRESSIONISM**

This article deals with the lyrics of German Expressionism. The article analyses semantic categories of time and place playing an important role in the interpretation of expressionistic texts. The aim of the article is to show the features of thematic development and the ways of linguistic realization of these categories.

The article starts with a brief presentation of historical context and esthetics of Expressionism. Further analysis of the expressionistic poems reveals the metropolis as the most popular place of acting in Expressionism and the winter and the night as the most popular time. These particular semantic categories reflect esthetical views and artistic methods of this literature movement being closely connected with its key themes and leitmotifs ore being it themselves.

It appears in all linguistic structure of expressionistic texts, both in semantics of the words and figures and in grammatical structure of the poems. Plentiful in the poetic vocabulary are temporal and local words; very popular are temporal and local prepositions and pronominal adverbs, adverbial modifier and dependent clauses of place and of time.

Therefore categories of time and place get a specific symbolic sense in Expressionism. They are mostly conventional, mystical and extremely subjective. The real and the unreal, the material and the abstract, the past and the future unite in the same plane. Time and place flow together, become transformed and deformed.

Key words: expressionism, semantic category, time, place, figure, leitmotif, linguistic structure.

Статья посвящена лирике немецкого экспрессионизма – одного из знаковых течений модернизма, оказавшего огромное влияние на развитие современной западноевропейской литературы. *Цель* статьи – рассмотрение семантических категорий времени и пространства, играющих важную роль в интерпретации экспрессионистских текстов. В статье выявляются ключевые звенья данной семантической парадигмы, анализируются особенности тематического развертывания и способы языковой реализации заявленных категорий.

Экспрессионизм зародился в Германии в начале XX века и явился эмоциональным откликом на события соответствующей эпохи. Резкий натиск цивилизации, урбанизация, первая мировая война, всплеск революционного движения, кризис гуманистических идеалов – таков исторический фон, на котором развивалось данное литературное течение. Именно в это время возникает эстетика экспрессионизма, декларирующая отказ от прежних художественных традиций. Выражение вместо изображения, «не конкретность, а абстрактное представление о ней, не действительность, но дух – таков основной тезис эстетики экспрессионизма» [1, с. 537].

Ключевые понятия эпохи – война и урбанизация, вопросы веры и безверия – становятся ключевыми темами поэзии экспрессионистов; центральным мотивом – мотив смерти. Варьируясь в зависимости от темы, этот мотив присутствует, так или иначе, практически в каждом стихотворении экспрессионистской лирики. Другим мотивом, определившим лирику экспрессионизма, становится мотив конца света, о чем свидетельствует уже само название первого сборника экспрессионистской лирики: «*Menschheitsdämmerung*».

Новая эстетика рождает не только новые темы, но и новых героев. Действующими лицами экспрессионистской лирики становятся люди, не вписывающиеся в существующую реальность, «личности на грани» [Там же, с. 543], «люди, по той или иной причине «вытолкнутые» из жизни» [6, с. 21].

Крайне важной в лирике экспрессионизма становится семантическая категория места: оно определяет тот мир, ту среду, в которой живет экспрессионистский герой. Поскольку новыми героями лирики экспрессионизма становятся нищий, пленный, проститутка, преступник, калека, сумасшедший, наконец, мертвец, то новым местом действия – нищий квартал, поле битвы, больница, сумасшедший дом, притон, тюрьма, морг.

Die Närrin weint mit offnem Haar

Am Fenster, das vergittert starrt...

Im Hurenhaus Gelächter klingt.

(Trakl, «Romanze zur Nacht»)

In Maiensaatn liegen eng die Leichen,

Im grünen Rain, auf Blumen, ihren Betten.

(Heym, «Nach der Schlacht»)

Ein ersoffener Bierfahrer wurde auf den Tisch gestemmt.

(Benn, «Kleine Aster»)

Эти места, столь же условные, как и сами герои, живущие/умирающие в заданном пространстве, в полной мере отражают эпоху, «отмеченную потрясениями мирового масштаба» [1, с. 536].

Особым завоеванием экспрессионистской лирики становятся стихи о городах. Именно города, как правило, безликие, во многом условные, являются местом действия многих стихотворений экспрессионистов. Точные названия городов, улиц, площадей, прочих достопримечательностей обычно отсутствуют. Характерны названия произведений типа «*Die Stadt der Qual*», «*Die Stadt in den Wolken*» (Heym), «*Vorstadt im Föhn*» (Trakl), «*Städter*» (Wolfenstein), «*Fabrikstrasse tags*» (Zech), «*Nachtcafe*» (Benn). Даже если стихотворение посвящается какому-то конкретному месту, описание, как правило, достаточно анонимно. В своих произведениях экспрессионисты пытаются представить некую обобщенную модель – модель мира, стоящего на пороге гибели.

Популярна урбанистическая лексика, характерно использование слов данной семантической группы в форме множественного числа: *Städte*, *Strassen*, *Plätze*, *Kanäle*, *Maschinen*, *Motoren*, *Busse*, *Straßenbahnen*, *Häuser*, *Mauern*, *Fenster*, *Dächer*, *Türme*:

*Nichts als Mauern. Ohne Gras und Glas
Zieht die Strasse den gescheckten Gurt der Fassaden. (Zech, «Fabrikstrasse tags»)
Schornsteine stehen in großem Zwischenraum... (Heym, «Berlin III»)*

Довольно частотными при описании жизни современного города неожиданно становятся и слова, обозначающие части человеческого тела: *Leib, Körper, Gesicht, Haar, Auge, Mund, Lippen, Stirn, Wange, Kinn, Brust, Herz, Schulter, Hände, Arme, Füße, Beine*. Это связано с мистификацией, демонизацией представляемого пространства. В экспрессионистских текстах город оживает, начинает жить собственной, независимой от человека жизнью, наделяется не только человеческими, но и сверхчеловеческими способностями, демонизируется, гиперболизируется:

*Auf einem Häuserglocke sitzt er breit.
Die Winde lagern schwarz um seine Stirn.*
(Heym, «der Gott der Stadt»)

Город воспринимается экспрессионистами как «магическая сцена человеческой трагедии» [6, с. 64], «воплощение ужаса и бесчувственности окружающего мира» [1, с. 542], как олицетворение новой цивилизации, созданной человеком в угоду миру вещей, порабоощающей природу и человека, как символ мира, где неживое властвует над живым. Именно здесь концентрируются темные (демонические) силы, здесь «античеловеческое выступает как система», здесь «бессилие человека становится очевидным в полной мере» [6, с. 38]:

*Sie wandern durch die Nacht der Städte hin,
Die schwarz sich ducken unter ihrem Fuss...
Ihr langer Schatten schwankt im Häusermeer
Und löscht der Strassen Lichterreihen aus...
Sie lehnen schwer auf einer Brückenwand
Und stecken ihre Hände in den Schwarm
Der Menschen aus...*

(Heym, «Die Dämonen der Städte»)

Экспрессионисты развенчивают «ложный блеск мегаполисов» [3, с. 9], показывают экспансию города в сферу человеческого сознания, человеческой психики.

К теме города так или иначе обращается большинство поэтов-экспрессионистов; Гейм посвящает ей целый цикл «Grossstadtlyrik». В частности, эта тема получает свое развитие в следующих произведениях: «Der Gott der Stadt», «Die Dämonen der Städte», «Abende im Vorfrühling», «Die Stadt der Qual», «Die Stadt in den Wolken», «Berlin I, II, ..., VIII» (Heym); «Die schöne Stadt», «Vorstadt im Föhn», «In der Heimat» (Trakl); «Kleine Stadt» (Stadler); «Berlin», «Auf der Terasse des Cafe Josty» (Boldt); «Ode an Berlin» (Goll); «An Berlin», «Die Stadt der Qual», «Berlin! Berlin!», «Erwachen der Städte» (Becher); «Untergrundbahn» (Benn); «Fabrikstrasse tags», «Mai-Nacht» (Zech); «Wien» (Ehrenstein); «Die Fahrt nach der Irrenanstalt» (Lichtenstein); «Städter» (Wolfenstein).

Не менее значимой в лирике экспрессионизма становится семантическая категория времени. Так же как и место, время, как правило, является условным, наполняется определенным символическим смыслом.

Очень часто временем действия в экспрессионистской лирике становится ночь или вечер. Об этом свидетельствуют уже названия многих стихотворений: «Abende im Vorfrühling», «Da mitternachts ein feiner Regen fiel...», «Die Nacht» (Heym); «Der Abend», «Zu Abend mein Herz», «Abend in Lans», «Abendgang», «Abendland», «Abendlied», «Abendmuse», «Melancholie des Abends», «Nachtergebung», «Nachtlied», «Nachts», «Nachtseele», «Gesang zur Nacht», «Romanze zur Nacht», «An die Nacht» (Trakl); «O Nacht-:», «Nachtcafe» (Benn); «Fahrt über die Kölner Rheinbrücke bei Nacht», «Abendschluss» (Stadler); «Abendgang» (Stramm);

«Die Nächte», «Abendlied», «Mensch im Abend», «Abendhimmel» (Becher); «In den Abend», «Die Dämmerung» (Lichtenstein).

Связанный напрямую с мотивом конца света образ ночи понимается экспрессионистами метафорически как «конец земного дня» [4, s. 247], конец жизни:

*... Seht, wir sind nun tot.
In weißen Augen wohnt uns schon die Nacht,
Wir schauen nimmermehr ein Morgenrot.*
(Heym, «Die Morgue»)

Если город являет собой место, где человек чувствует себя наиболее слабым и уязвимым, то ночь являет собой аналогичное время. Именно ночью человеком в полной мере овладевают страх и отчаяние, именно ночью он наиболее остро ощущает свое одиночество, именно ночью смерть подходит совсем близко:

*Wie war es einst,
Bevor ich in Nacht und Verlassenheit schritt?*
(Trakl, «Traumwandler»)
*Hab in einer sternlodernden Nacht
Den Mann neben mir ums Leben gebracht.*
(Lasker-Schüler, «Scheidung»)

Это время, когда оживают призраки, когда темные силы обретают власть над человеком.

*Es blühte kein Stern in jener Nacht
Und niemand war, der für uns bat.
Ein Dämon nur hat im Dunkel gelacht.*
(Trakl, «Ballade»)

Аналогичные чувства (неуверенность, одиночество, страх) вызывает образ вечера, также выступающий предметом метафорического выражения во многих стихотворениях. Однако если ночь символизирует конец, то вечер – предчувствие этого конца, «сумерки» человеческой истории:

*O der Abend, der in die finsternen Dörfer der Kindheit geht. ...
O die Nähe des Todes. Lass uns beten.*
(Trakl, «Nähe des Todes»)

Другим «временным» мотивом, характерным для экспрессионистской лирики, становится мотив зимы. Этот мотив является своего рода традицией в немецкой литературе (встречается ранее у Гёте, Гёльдерлина, Ленау, Георге, Рильке). Однако в экспрессионистской лирике он приобретает особое значение. Зима, подобно ночи, воспринимается экспрессионистами метафорически как «зима человеческой истории» [4, s. 138]. Именно это время года наиболее соответствует представлениям экспрессионистов о современном мире как о мире, где нет места живому. Образный язык лирики экспрессионизма чрезвычайно богат «зимними» метафорами, выражающими отчуждение, оледенение, опустошение, омертвление. Характерными для поэтического языка экспрессионистов становятся соответствующие эпитеты – прилагательные и причастия типа *winterlich, kalt, frierend, gefroren, erfroren, vereist, verschneit, trübe, öde, kahl* и другие; очень часто в этой связи используются эпитеты *tot, sterbend, gestorben*:

*Sommerzeit, Herbstzeit, alles geht vorüber,
Und brauner Tod hat jede Frucht ergriffen.*
(Heym, «Mitte des Winters»)

Похожие ассоциации рождает и поздняя осень:

*In der sterbenden Gärten Schweigen,
In der goldenen Bäume Verderben
Gehen die Stimmen, die leise steigen
In dem fahlen Laube und fallenden Sterben.*
(Heym, «Der herbstliche Garten»)

*Weißt du noch, wie ich krank lag...
Es war am Herbsttag...* (Lasker-Schüler, «Nachweh»)

Девизом данной тематической парадигмы, как и лирики экспрессионизма в целом, может служить одна из следующих строк:

Nur für die Toten ist jetzt gute Zeit.
(Heym, «November»)
Wir leben in einem kalten rechteckigen Raum.
(Becher, «Deutschland»)

Мотив зимы (поздней осени) определяет прежде всего лирику Гейма и Тракля; в частности, он отчетливо выступает в следующих стихотворениях: «Der Winter», «Mitte des Winters», «Der Herbst», «Trostloser Herbst. Verlorne weite Öde...», «Und die Hörner des Sommers verstummten...», «November» (Heym); «Dezember», «Winterdämmerung», «Ein Winterabend», «Winternacht», «Im Winter», «Herbst», «Herbstseele», «Herbstliche Heimkehr», «Der Herbst des Einsamen», «Ein Herbstabend», «Verklärter Herbst», «Grodok» (Trakl). Однако и в произведениях других поэтов мы часто встречаем те или иные образы, метафорически отождествляемые с мотивом осени/зимы: «Herbstgesänge» (Becher); «Winteranfang» (Stadler); «Spätherbst» (Goll); «Herbst» (Klemm).

М. Зоммерфельд пишет в антологии немецкой лирики: «В это время возникает крайне мало «летних» стихотворений» [7, s. 211].

Таким образом, пространственно-временные семантические категории экспрессионизма либо тесно связаны с его ключевыми темами, топосами, лейтмотивами, либо сами являются таковыми. Это находит выражение во всей языковой структуре: как в семантике слов и смысловом наполнении образов, так и в грамматическом строе произведений. Слова, означающие либо описывающие место или время, становятся очень актуальными в поэтическом словаре экспрессионистов. Частотны временные и локальные предлоги, местоименные наречия и союзные слова *da*, *hier*, *dort*, *hin*, *her*, *hinaus*, *herein*, *wo*, *wohin*, *woher* и др.:

*Ich gleite traurig rings umgittert von den Tieren
Durchs brüllende Haus am Stoß der Stäbe hin und her.
und blicke weit in ihren Blick wie weit hinaus auf Meer...*
(Wolfenstein, «Im Bestienhaus»)
*Und seine Strasse warf sich steil empor und schraubte
Sich hoch hinaus bis an vergilbten Mondes Zackenrand,
Wo bog sie um und sprang zum Abendstern...*
(Becher, «Der Idiot»)

Необычайную популярность приобретают обстоятельства места и времени, а также соответствующие придаточные предложения. Они не только несут определенную смысловую нагрузку, реализуя те или иные топосы, но и задают определенный тон, создают определенную перспективу, делают изображение в целом наглядным, «сценичным»:

*Mit weißem Haar, in den verrufenen Orten
Noch hinter Werchojarsk, in öden Steppen,
Da schmachten sie, die ihre Ketten schleppen
Tagaus, tagein, die düsteren Kohorten.*
(Heym, «Russland»)
*Am Abend, wenn wir auf dunklen Pfaden gehn,
Erscheinen unsere bleichen Gestalten vor uns.*
(Trakl, «Abendlied»)
...Ganz hinten, wo ein kleiner Kirchturm blinkt...
(Heym, «Printemps»)
Wo die Schwalbe aus und ein flog, tranken wir feurigen Wein.
(Trakl, «Abend in Lans II»)

Und Schatten schweben, wo man Schreie hört.
(Lichtenstein, «Nebel»)

Тенденцией экспрессионистской лирики становится трансформация пространственно-временных отношений, когда элемент, семантически выражающий время, синтаксически функционирует как обстоятельство места [2, с. 100]. Пространство и время трансформируются, перемешиваются, происходит их взаимопроникновение.

Ich bin in Wüsten eine große Stadt

Hinter der Nacht und toten Meeren weit.

(Heym, «Die Stadt der Qual»)

Der Ströme Seelen, der Winde Wesen

gehst rein in den Abend hinunter...

(Heym, «Der herbstliche Garten»)

Einsamer unterm Sternenzelt

Geht durch die stille Mitternacht.

(Trakl, «Romanze zur Nacht»)

Des Herbstes Weg und Kreuze gehn in Abend ein.

(Trakl, «Drei Blicke in einen Opal»)

...schwanken wir in des Herbstes verschwindende Räume...

(Heym, «Hora mortis»)

...wir treiben dahin, hinaus in den Abend der Meere...

(Heym, «Die Seefahrer»)

Du aber gehst mit weichen Schritten in die Nacht...

(Trakl, «An den Knaben Elis»)

Ich gehe in den Abend hinein...

(Trakl, «Abendgang»)

Winde... fallen schrickt in tiefe Nacht.

(Stramm, «Traum»)

Im großen Raum des Tags...

(Werfel, «Ballade von Wahn und Tod»)

Таким образом, в лирике экспрессионизма категории времени и места приобретают особый символический смысл, отражая в полной мере эстетические взгляды и художественные методы представителей данного литературного течения. В экспрессионизме эти категории, как правило, условны, во многом мистичны, мифологичны и крайне субъективны. Последовательное развитие событий во времени нарушается – в одной плоскости соединяются реальное и нереальное, вещественное и абстрактное, прошлое и будущее. Пространство и время сливаются, взаимно трансформируются, деформируются. На месте романтического *Es war einmal* в экспрессионизме появляется миф вне времени и пространства. «Мир более не знает исторического развития» [5, с. 8].

Библиографические ссылки

1. Павлова Н. С. Экспрессионизм / Н. С. Павлова // История немецкой литературы : в 5 т. – М., 1968. – Т. 4 : (1848–1918). – С. 536–564.
2. Тимралиева Ю. Г. Поэтический язык лирики немецкого экспрессионизма : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.Г. Тимралиева. – СПб., 2000. – 195 с.
3. Топоров В. Предисловие / В. Топоров // Готфрид Бенн. Собрание стихотворений. – СПб., 1997. – С. 7–21.
4. Mautz K. Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus. Die Dichtung Georg Heyms / K. Mautz. – Frankfurt-am-Main, Bonn, 1961. – 387 s.
5. Mehl D. Mitteilung und Monolog in der Lyrik Gottfried Benns : Dissertation / D. Mehl. – München, 1960. – 156 s.
6. Schneider K. L. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls und E. Stadlers / K. L. Schneider. – Heidelberg, 1961. – 184 s.

7. **Sommerfeld M.** Deutsche Lyrik 1880–1930 : Antologie / M. Sommerfeld // Literaturhistorische Bibliothek. – Berlin, 1931. – Bd. 3.

Надійшла до редколегії 18.02.14